

Глава X

Невозвращенец

Мы садились с мамой в переполненную лодку, и какой-то старик в плаще греб. Вода была вровень с бортами, народу было очень много.
Из воспоминаний Бродского (см. главу I)

Перемены на родине

Уезжая из России в 1972 году, Бродский не знал, удастся ли ему когда-нибудь еще увидеть родину. Эмиграция из СССР была движением только в одну сторону, безвозвратным. Провозглашенное Объединенными Нациями право человека на свободное перемещение

529 Там же. 1987. 25 нояб. С. 9.

530 Цит. по: Русская мысль. 1987. 30 окт. С. 8.

531 Сообщение там же. С. 10.

532 Кроме «писем» – «Новый Жюль Верн» и «Осенний вечер в скромном городке...» (Новый мир. 1987. № 12. С. 160–168).

полностью игнорировалось советским правительством. В редких случаях эмигрантам, не сумевшим приспособиться к жизни за рубежом, разрешали вернуться, но с обязательным условием публичного покаяния, унижительного признания совершенной ошибки, рассказа в прессе о том, как скверно живется в капиталистическом аду. Просто приехать повидаться с родными и близкими эмигрант не мог, и они не могли навестить его. Правительство не хотело, чтобы люди сравнивали образ жизни дома и на Западе, так как сравнение, по крайней мере материальных условий, было невыгодно для СССР. Кроме того, действовали исконные идеологические предрассудки. Покинуть социалистическое отечество мог лишь предатель, враг, и даже разрешенная эмиграция должна была стать наказанием – изгнанием, остракизмом. В особенности, если изгнанник был писателем, журналистом, общественным деятелем, то есть по советским понятиям принадлежал к «идеологической сфере», а идеология по этим понятиям была либо правильная, «наша», либо враждебная.

Наказывали не только изгнанника, но и его семью. Родители Бродского двенадцать раз подавали заявления с просьбой разрешить им вместе или по отдельности съездить повидать сына, но каждый раз получали отказ. Отказ мотивировался с внушительной бессмысленностью: поездку власть считала «нецелесообразной». Целью Марии Моисеевны и Александра Ивановича Бродских было повидаться с единственным сыном. Что же должно было быть «сообразно» этой цели? Иногда отвечали и так: согласно нашим документам, ваш сын выехал из СССР в Израиль (или как однажды сказал старикам чиновник ленинградского ОВИРа в устной беседе: «Мы его *направили* в Израиль»), а вы просите разрешить поездку в США. В Америке Бродский обращался ко всем, кто пользовался каким-то влиянием на кремлевское правительство. За него ходатайствовали госдеп, сенаторы, епископы, но советская власть была непреклонна. Мать Бродского умерла 17 марта 1983 года, отец немногим более года спустя. Сына они так и не повидали.

После прихода Горбачева к власти в апреле 1985-го началась разгерметизация страны. Все чаще журналисты стали спрашивать нобелевского лауреата, собирается ли он приехать на родину. Поначалу он отвечал, что приедет после того, как там начнут выходить его книги⁵³³. Книги, вслед за первыми журнальными и газетными публикациями 1987–1989 годов, начали выходить в 1990-м⁵³⁴. По мере того как книг становилось все больше, а поток статей о Бродском, журналистских и литературоведческих, приобрел лавинообразный характер⁵³⁵, поэта стали одолевать сомнения. Чувства, которые он испытывал к родной стране, и в первую очередь к родному городу, были сложны и интимны, а приезд в складывающихся обстоятельствах непременно сопровождался бы чествованиями, телевидением и прессой, встречами с массой неблизких людей. Постепенно на вопрос о возвращении он стал отшучиваться, что, мол, не следует возвращаться ни на место преступления, ни на место былой любви. Подробнее он говорил одному интервьюеру: «Первое: дважды в одну и ту же речку не ступишь. Второе: поскольку у меня сейчас вот этот нимб, то, боюсь, что я бы стал предметом... <...> разнообразных упований и положительных чувств. А быть предметом положительных чувств гораздо труднее, чем быть предметом ненависти. Третье: не хотелось бы оказаться в положении человека, который находится в лучших условиях, нежели большинство. Я не могу себе представить ситуацию, хотя это вполне реально, когда просящий у вас милостыню оказывается вашим одноклассником. Есть люди, которых такая перспектива не пугает, которые находят ее привлекательной, но это дело темперамента. Я человек другого темперамента, и меня не привлекает перспектива въезда в

533 См. *Интервью 2000*. С. 223; *Newsday*, December 28, 1989. P. 57.

534 В 1990 г. вышли «Осенний крик ястреба» (Л.: ИМА Press), «Стихотворения Иосифа Бродского» (Л.: Алга-фонд), «Стихотворения» (Л.: Библиотечка журнала «Полиграфия») и представительный сборник «Часть речи. Избранные стихи 1962–1989» (М.: Художественная литература).

535 Согласно неполной библиографии публикаций, посвященных Бродскому (*Указатель 1999*), их число на последний год жизни поэта приближалось к тысяче.

Иерусалим на белом коне. Я несколько раз собирался приехать в Россию инкогнито, но то времени нет, то здоровья не хватает, то какие-то срочные задачи требуется решать»⁵³⁶.